

К. П. Обозный

Православная Церковь на Северо-Западе России в 1948 году: сравнительный анализ положения Ленинградской, Новгородской и Псковской епархий

УДК 94(47+57)+271.2-772(470.2)-9
DOI 10.47132/1814-5574_2024_3_324
EDN DFQORP

Аннотация: Публикация посвящена сравнительному анализу церковной жизни трех епархий Северо-Запада России в 1948 г. Выбор объекта изучения продиктован тем, что Ленинградская, Новгородская и Псковская епархии в первые послевоенные годы находились под управлением митрополита Ленинградского и Новгородского Григория (Чукова) и имели много общего в своем устройении, основных направлениях деятельности, а также общие связи, которые сложились в период деятельности Псковской православной миссии в 1941–44 гг. Основным историческим источником для проведения сравнительного анализа стал отчет Ленинградской митрополии за 1948 г., где собраны сведения по всем трем епархиям. Благодаря этому документу можно установить, какие важнейшие события церковной жизни произошли в епархиях, каким образом складывались взаимоотношения епархиальной власти с представителями Совета по делам РПЦ, с местной администрацией и партийными органами, какие сложности и проблемы возникали в работе на уровне епархии и приходов. Особый интерес представляет статистический блок отчета, который позволяет сравнить положение епархий по числу действующих храмов и зарегистрированных клириков, их материальному обеспечению и числу ходатайств об открытии новых приходов. Такое сопоставление частных церковной жизни трех соседних епархий не только помогает выявить общие тенденции в развитии и проблематике религиозной ситуации в одном из регионов СССР, но и позволяет определить на местном уровне характерные признаки заката «нового курса» религиозной политики советского руководства.

Ключевые слова: Ленинградская митрополия, Новгородская епархия, Псковская епархия, православный клир, «новый курс» религиозной политики, уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви, епархиальный отчет.

Об авторе: **Константин Петрович Обозный**

Кандидат исторических наук, заведующий кафедрой Церковной и социальной истории, декан исторического факультета Свято-Филаретовского института.

E-mail: suhoput2006@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5284-4884>

Для цитирования: Обозный К. П. Православная Церковь на Северо-Западе России в 1948 году: сравнительный анализ положения Ленинградской, Новгородской и Псковской епархий // Христианское чтение. 2024. № 3. С. 324–342.

Статья поступила в редакцию 19.02.2024; одобрена после рецензирования 16.03.2024; принята к публикации 15.04.2024.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE [Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 3

2024

Konstantin P. Obozny

Orthodox Church in North-West Russia in 1948: Comparative Analysis of the Situation of the Leningrad, Novgorod and Pskov Dioceses

UDK 94(47+57)+271.2-772(470.2)-9
DOI 10.47132/1814-5574_2024_3_324
EDN DFQORP

Abstract: The publication is devoted to a comparative analysis of church life in three dioceses of North-West Russia in 1948. The choice of the object of study was dictated by the fact that the Leningrad, Novgorod and Pskov dioceses in the first post-war years were under the control of Metropolitan of Leningrad and Novgorod Gregory (Chukov) and had much in common in their structure, main areas of activity and general connections that developed during the period of activity of the Pskov Orthodox Church Missions in 1941–1944. The main historical source for comparative analysis was the report of the Leningrad Metropolis for 1948, which collected information on all three dioceses. Thanks to this document, it is possible to establish what the most important events of church life took place in the dioceses, how the relationship between the diocesan authorities developed with representatives of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church, with the local administration and party bodies, what difficulties and problems arose in the work at the level of the diocese and parishes. Of particular interest is the statistical block of the report, which allows you to compare the situation of dioceses in terms of the number of operating churches and registered clergy, their financial support and the number of petitions for the opening of new parishes. Such a comparison of the church life of three neighboring dioceses not only helps to identify general trends in the development and problems of the religious situation in one of the regions of the USSR, but also makes it possible to determine at the local level the characteristic signs of the “decline” of the “new course” of the religious policy of the Soviet leadership.

Keywords: Leningrad Metropolis, Novgorod diocese, Pskov diocese, Orthodox clergy, “new course” of religious policy, commissioner of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church, diocesan report.

About the author: **Konstantin Petrovich Obozny**

Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Church and Social History, Dean of the Faculty of History at St. Philaret’s Institute.

E-mail: suhoput2006@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5284-4884>

For citation: Obozny K. P. Orthodox Church in North-West Russia in 1948: Comparative Analysis of the Situation of the Leningrad, Novgorod and Pskov Dioceses. *Khristianskoye Chteniye*, 2024, no. 3, pp. 324–342.

The article was submitted 19.02.2024; approved after reviewing 16.03.2024; accepted for publication 15.04.2024.

На первый взгляд невероятный поворот государственной советской политики в отношении Церкви и религии, начавшийся осенью 1943 г., казалось бы, должен был завершиться после победы во Второй мировой войне. Как справедливо отмечают многие исследователи [Шкаровский, 1999; Васильева, 2001; Майнер, 2010; Курляндский, 2019], прагматика отношений с западными союзниками подтолкнула руководство ВКП(б) к смягчению антирелигиозной идеологии и признанию, хотя и ограниченных, прав верующих граждан. Не только на бумаге и на словах, но и на деле. Несмотря на прогнозы скептиков, «новый курс» продолжился и в послевоенные годы, однако именно в 1948 г. начинается охлаждение в отношении советского руководства к Православной Церкви и постепенное сокращение тех уступок «церковникам», на которые вынуждены были пойти в Кремле в 1943–44 гг.

Довольно актуальной выглядит исследовательская задача, связанная не только с определением причин такого ограничения «внимания к нуждам Церкви», но и с анализом последствий этих регрессивных процессов в конкретной жизни епархий, благочиний и приходов Русской Православной Церкви Московского Патриархата в 1948 г. В нашем случае объектом такого изучения стали три епархии Северо-Запада Советской России в переломный 1948 г. У этих епархий много общего. Во-первых, накануне войны, в 1941 г., все эти территории находились в границах одной Ленинградской епархии. Во-вторых, в период немецкой оккупации занятые территории перечисленных церковных областей находились под эгидой Управления Внешней православной миссии с центром во Пскове. В-третьих, в послевоенный период, несмотря на то, что были восстановлены Новгородская и Псковская епархии, их руководство осуществлялось Преосвященным Ленинградским митрополитом Григорием (Чуковым). Перечисленные факторы позволяют надеяться на перспективность сравнительного анализа положения трех епархий в 1948 г. Основным источником в этом микроисследовании будет отчет Ленинградской, Новгородской и Псковской епархий за 1948 г. Этот документ был подготовлен сотрудниками Епархиального управления в Ленинграде и содержит основную информацию о положении церковной жизни по различным направлениям (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 12а. Д. 3. 260 л.).

Отчет о состоянии Ленинградской митрополии был составлен по строго заданной схеме. В первой части документа содержатся сведения общего характера — территория епархии (положение в рамках административной структуры государства, присоединения или выделения приходов и благочиний в другие епархии), основные изменения на епископской кафедре, важнейшие события церковной жизни, деятельность епископа в области церковного управления, взаимодействие епархиального архиерея с местным уполномоченным Советом по делам Русской Православной Церкви. Вторая часть епархиального отчета посвящена статистическим показателям — указаны сведения о количестве и расположении приходов, приведена общая характеристика духовенства (богослужбная, проповедническая, административно-хозяйственная деятельность), в том числе сведения о возрасте, уровне образования и времени пребывания в священном сане клириков епархии. В особые параграфы отчета внесена информация о том, как обеспечены приходы богослужбными книгами, церковной утварью и литургическими облачениями; в каком состоянии находится делопроизводство, имущественный и финансовый учет; как складываются отношения приходского духовенства с местной администрацией и финансовыми органами районного и областного уровня. В отдельную часть отчета выделены вопросы, с которыми правящий архиерей обращался к высшей церковной и гражданской властям. Особую ценность в епархиальном отчете представляет раздел, посвященный приходам епархии. Здесь содержатся и статистические таблицы, и сведения о не удовлетворенных властями ходатайствах об открытии новых приходов, и подробная информация о составе причтов, и данные о церковных суммах в их приходно-расходном сочетании за отчетный период. Завершается отчет сведениями о финансовом положении епархии в целом, о наличии монастырей, духовных семинарий, мастерских и иной хозяйственной деятельности, которая проводилась для поддержания церковной жизни. Завершается

документ сводными таблицами по разделам годового отчета, которые дают сравнительную информацию о положении трех епархий в различных аспектах развития.

Текст документа машинописный, сопровождается статистическими таблицами и цветными графиками, выполненными вручную. На последнем листе каждого отчета стоит личная подпись митрополита Ленинградского и Новгородского Григория (Чукова). Объем документа — 253 листа (не считая оглавления). При этом отчет Ленинградской епархии занимает 104 листа, отчет Новгородской епархии 54 листа, отчет Псковской епархии 72 листа. Сводные таблицы, объединяющие статистику по трем епархиям, уместились на 23 листах. Существенное различие в объеме отчетов объясняется тем, что в отчете Ленинградской епархии содержатся сведения о духовной семинарии, о епархиальных производственных мастерских (свечной и профсорной) и отчет по лесозаготовкам епархии. В Новгородской и Псковской епархиях подобных епархиальных структур не было. Вместе с тем в отчете по Псковской епархии значительный объем (12 листов) занимает раздел, посвященный состоянию Псково-Печерского монастыря, на тот момент единственной обители на территории Северо-Запада СССР.

Как было сказано выше, отчет был подготовлен сотрудниками Ленинградского епархиального управления, однако сведения с мест в Ленинград поступали от благочинных. Благочинные Псковского и Новгородского округов фактически исполняли обязанности епархиальных структур, информировали Ленинградское епархиальное управление обо всех событиях, конфликтах или нестроениях церковной жизни. Епархиальные отчеты готовились ежегодно и направлялись в Московскую Патриархию и уполномоченному Совету по делам Русской Православной Церкви (далее также — уполномоченный; Совет). Один экземпляр оставался в епархиальном управлении, а со временем передавался в епархиальный архив. Вопрос адресата довольно существенный, поскольку особым образом влияет на содержание документа, его степень критичности и объективности. Данные, которые были представлены в епархиальном отчете, советский чиновник использовал в своей работе и при подготовке документов, адресованных в Совет. В связи с этим вполне очевидным становится вопрос о самоцензуре авторов документа, который должен был дать представление о церковной жизни в отдельно взятой области, но в то же время указать на основные трудности и проблемы, в разрешении которых зачастую последнее слово оставалось за государственными структурами.

Несмотря на относительную степень объективности (особенно в отношении статистических показателей финансового характера), епархиальный отчет представляет собой ценный исторический источник, позволяющий не только проанализировать церковную жизнь на внешнем уровне, но и отметить ее внутренние нестроения и кризисные явления. Хорошим дополнением к отчету, составленному епархиальным управлением, могут стать ежеквартальные отчеты уполномоченного. Несмотря на общий негативный или нейтрально-скептический тон в отношении Православной Церкви, здесь автор излагает информацию и дает свои комментарии более откровенно и подробно, нежели это отражено в отчете о положении епархии из церковного ведомства. В нашем исследовании для более объемного изучения состояния Псковской епархии были использованы отчеты уполномоченного по Псковской области А. И. Лузина за 1948 г. (ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 26. 74 л.). С этими материалами в разное время работали псковские исследователи, изучая религиозный вопрос либо в контексте социально-экономических процессов послевоенного развития Псковской области [Филимонов, 2008], либо в рамках одного района Псковской области [Дроздова, 2021], либо уделяя внимание только одной из множества проблем церковной жизни [Дроздова, 2022].

Сравнительное обозрение трех епархий следует начать с того, что их территории были вписаны в административные границы областей — Ленинградской, Новгородской и Псковской. После освобождения этого региона от немецких войск были

воссозданы Новгородская (указ от 05.07.1944 г.) и Псковская (указ от 23.08.1944 г.) области. Следует отметить, что в послевоенный период территория Псковской области увеличилась за счет присоединения нескольких прибалтийских районов: Качановский и Пыталовский были отделены от Латвийской ССР и Печорский — от Эстонской ССР. Кроме того, Ашевский, Новоржевский и Пушкиногорский районы Калининской области также были включены в состав Псковской области, но при этом были образованы отдельные Великолукская и Псковская области (в отличие от современного состояния). В соответствии с этим появились две отдельные епархии — Псковская и Великолукская. Эти факты затрагивают не только вопросы формального характера, связанные с размерами площади областей и епархий. Церковная жизнь районов, до 1945 г. входивших в состав Латвийской и Эстонской епархий, существенным образом отличалась от религиозной ситуации на территориях, переживших серьезное влияние советской власти в 1920–30-е гг. Более высокий уровень религиозности населения и активное участие верных мирян в приходской жизни в районах бывших Латвийской и Эстонской республик стало важнейшей чертой и особенностью западных благочиний Псковской епархии. Это как фактор, затрудняющий выполнение должностных обязанностей, отмечал уполномоченный Совета по Псковской области А. И. Лузин. Нелегко переживали клирики и приходские советы этих бывших прибалтийских районов переподчинение церковной власти в лице митрополита Ленинградского и Новгородского Григория (Чукова).

В самом начале отчета говорится о том, что в Ленинградскую митрополию входили три епархии: Ленинградская, Новгородская и Псковская. Управлял этими епархиями митр. Григорий (Чуков) при содействии двух викарных епископов. Должность викария Ленинградской епархии занимал епископ Лужский Симеон (Бычков), помимо этого, он был ректором Ленинградских духовных семинарии и академии. Викарным епископом Псковской епархии был поставлен в 1948 г. епископ Порховский Владимир (Кобец), одновременно с этим он был настоятелем Псково-Печерского монастыря (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 12а. Д. 3. Л. 2).

Наиболее яркие в церковном отношении события 1948 г. происходили в Ленинграде. В январе в город прибыла православная делегация из Албании в составе архим. Паисия (Водицы), прот. Димитрия Коконьша и прот. Лазаря Поповича. Как сказано в тексте отчета, «Целью их приезда в Россию вообще было установление связи между Церквями, изучение положения Церкви в СССР и ознакомление с ним дружественного албанского народа, на сознание которого, в отношении всего русского, воздействовали и действуют антисоветской пропагандой многочисленные враги СССР и миролюбивых народов всех стран» (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 12а. Д. 3. Л. 4–5). Кроме участия в богослужениях, посещения Ленинградских духовных школ и музеев Ленинграда, участники делегации встретились с митр. Григорием (Чуковым) и уполномоченным Совета по Ленинграду и Ленинградской области А. И. Кушнаревым.

Вторым по хронологической последовательности важным событием церковной жизни Ленинграда стал визит Святейшего Патриарха Алексия (Симанского) в марте отчетного года. В ходе патриаршего служения в Николо-Богоявленском кафедральном соборе 6–7 марта были совершены «наречение и хиротония архимандрита Владимира (Кобец) во епископа Порховского, викария Псковской епархии» (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 12а. Д. 3. Л. 5).

По-видимому, самым ярким и знаменательным событием для всей Православной Церкви в СССР стали торжества в честь 500-летия автокефалии Русской Церкви. После того как юбилейные торжества завершились в Москве, 20 июля делегация восьми автокефальных Православных Церквей во главе с патриархом Румынским Юстинианом прибыла в Ленинград. Автор отчета после краткого описания программы пребывания иностранных гостей не без пафосных нот подводит итог этого события: «Нет надобности в более подробном описании в отчете этих торжеств, глубоко всколыхнувших церковную жизнь Ленинградской епархии, — их достаточно в специальных изданиях.

Можно лишь отметить, что все три дня, проведенные высокими гостями в Ленинграде, ознакомили их еще раз с положением Церкви в нашей стране, духовно сблизили верующих с родными по вере и духу православными народами тех стран и Церквей, которых они в своем лице представляли» (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 12а. Д. 3. Л. 5–6).

Несмотря на то, что торжества, посвященные 500-летию автокефалии Русской Церкви, прошли в Москве и Ленинграде в июле 1948 г., во всех храмах митрополии, согласно указу патриарха, 18 октября 1948 г. было предписано совершить торжественные литургии. Предполагалось, что клирики в этот день на богослужении должны были подробно разъяснить прихожанам «значение этого великого события» и рассказать о событиях, которые подготовили провозглашение автокефалии (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 12а. Д. 3. Л. 7).

В отчете о праздновании юбилея можно усмотреть если не скрытую критику, то искреннее сожаление о том, что эти торжественные богослужения не собрали народ церковный в его полноте. Если в городах митрополии этот праздник был торжественно отмечен на литургическом уровне, то в сельских приходах он прошел практически незаметно. Автор отчета видит причину такого неисполнения указа Патриархии в усиленных уборочных работах на полях, в которые были вовлечены трудоспособные прихожане-колхозники. В некоторых случаях празднование памятного события было перенесено на другие праздничные или воскресные дни (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 12а. Д. 3. Л. 7).

В связи с этим возникает несколько вопросов. Если для Московской Патриархии так важно было отметить 500 лет автокефалии церковной молитвой повсеместно, во всех храмах, то почему для этого был выбран столь неподходящий день — понедельник 18 октября? Начало рабочей недели для трудоспособных верующих граждан не самое лучшее время для участия в литургии, если только не проводить богослужение в ранние утренние часы¹. Можно предположить, что этот день был согласован, а может быть, и определен чиновниками из Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете министров СССР для того, чтобы максимальным образом ограничить массовость и торжественность намечавшихся храмовых молитв. Вместе с тем и официальные церковные документы недвусмысленно определяли приоритеты для верующих граждан и православных клириков: «настоятели храма, в частности, обязаны следить за тем, чтобы уклад и распорядок приходской жизни не препятствовал выполнению прихожанами гражданских обязанностей. Например: в сельских местностях, в период полевых работ, богослужение должно совершаться только в часы, свободные от сельскохозяйственных работ и т.п.» (Положение, 2009, 275).

Сообщение о неудавшемся торжестве на периферии митрополии практически слово в слово повторяется в разделах, посвященных положению Новгородской и Псковской епархий. В отчете Новгородской епархии говорится, что «500-летие Автокефалии Русской Православной Церкви — к сожалению, не везде проведено с должной торжественностью, ввиду занятости верующих на полевых работах» (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 12а. Д. 3. Л. 107). Помимо общесоюзных торжеств, автор отчета упоминает, что в Новгородской епархии городские приходы 11 мая 1948 г. молитвенно отметили 35-летие архиерейского служения патр. Алексия (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 12а. Д. 3. Л. 107).

В отчете по Псковской епархии среди важных событий года упомянута кончина епископа Порховского Георгия (Садковского). В июле 1947 г. он был назначен викарным епископом Псковской епархии и после длительной болезни почил в Псково-Печерском монастыре 4 марта 1948 г. (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 12а. Д. 3. Л. 160). Прах еп. Георгия был погребен в пещерах монастыря среди захоронений братии.

Уполномоченный Совета при Псковском облисполкоме А. И. Лузин характеризовал еп. Георгия следующими словами: «по характеру безвольный человек и больной по состоянию здоровья» (ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 26. Л. 8). Лузин не скрывал,

¹ Аргументация такого рода («уборочные работы на полях») также выглядит не слишком убедительной, поскольку в этом климатическом поясе основные сельские труды к празднику Покрова Богородицы, как правило, завершаются.

что надежды, которые он возлагал на нового епископа, не оправдались. Епископ Георгий не стал заниматься вопросами дисциплинарного характера и следить за уровнем благочестия и добросовестности клириков епархии. Именно этого Лузин ожидал от назначенного в Псков архиерея. В случае, если к еп. Георгию обращались за советом настоятели церквей, то он (по свидетельству Лузина) рекомендовал им сложные вопросы решать непосредственно с митр. Григорием (ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 26. Л. 8).

Пассивность Порховского епископа отчасти можно объяснить подорванным здоровьем и психологическим сломом, который произошел в результате пребывания в местах заключения (три ареста — в 1923 г., в 1929 г., в 1935 г. вынесен смертный приговор, замененный на 10 лет исправительно-трудовых лагерей). Всего лишь за два года до назначения в Псковскую епархию, в июне 1945 г., еп. Георгий был освобожден из лагеря.

В отчете за I квартал 1948 г. уполномоченный А. И. Лузин упомянул имя еп. Георгия (Садковского) в числе тех, кто был снят с регистрации. В начале января он был направлен на лечение в Ленинград, но через месяц вернулся в Псков и по личной просьбе был отправлен на покой в Псково-Печерский монастырь, где вскоре скончался. Лузин с нескрываемым неудовольствием пишет о том, на его взгляд, нежелательном резонансе, который произвело пребывание умирающего епископа среди братии монастыря: «В монастыре он всем рассказывал, что он в течение 16 лет находился в тюрьме и ссылках. Монахи возвели его в „мученики“ за церковь святую, пострадавшую от советской власти» (ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 26. Л. 15). Наместник монастыря еп. Владимир (Кобец) рассказал уполномоченному о планах патр. Алексия прислать в Печерский монастырь еще несколько епископов, отправленных на покой. Это известие обеспокоило Лузина, и он поделился с руководством Совета своими сомнениями: «По-моему, не следует их собирать здесь, в монастыре, куда приезжают верующие со всех соседних с Псковской областью, областей» (ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 26. Л. 15). Трудно не согласиться с советским чиновником в том, что пребывание на покое в монастыре епископов, многие из которых имели горький опыт тюрем и лагерей, значительно повышало эффект «религиозной пропаганды» и стимулировало рост паломничества в Печерскую обитель.

Поскольку Ленинградское епархиальное управление было наиболее развитым в плане деятельности различных учреждений, то и информация отчета в этом разделе была значительно объемнее по сравнению со сведениями Новгородской и Псковской епархий. Несомненно, наиболее важной из епархиальных структур можно назвать Духовные школы в Ленинграде. Судя по отчету, в конце декабря 1948 г. в семинарии и Академии обучалось 124 человека. Кроме того, 1948 г. стал важным для Духовных школ и Ленинградской епархии в целом, поскольку в июне был открыт заочный сектор обучения богословским наукам (записались для обучения 19 человек) и в отчетном году состоялся первый выпуск в Духовной семинарии. Число завершивших обучение в семинарии составило 24 человека, правда, только 14 выпускников отправились на приходы для служения (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 12а. Д. 3. Л. 7–8).

В отчете за IV квартал 1948 г. уполномоченный Совета при Псковском облисполкоме² упоминает выпускника Ленинградской духовной семинарии Петра Ильина (1927 г. рожд.), который был рукоположен во диакона и зарегистрирован на приходе пос. Дно Псковской области (ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 26. Л. 64). Ильин стал первым выпускником семинарии, зачисленным в штат Псковской епархии в послевоенный период. Как пишет уполномоченный, Петр Ильин до поступления в семинарию «был келейником у настоятеля монастыря», а в военное время проживал в оккупированном Пскове (ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 26. Л. 64). В 1942–43 гг. Петя Ильин служил алтарником в псковском храме св. вмч. Димитрия Солунского, настоятелем которого в то время был член Псковской миссии свящ. Георгий Бенингсен.

² Облисполком — областной исполнительный комитет, орган исполнительной власти в СССР.

Автор отчета о состоянии епархий последовательно фиксирует информацию о свечном (обеспечивали свечами все храмы митрополии по цене 75 руб. за 1 кг), просфорном (за год на выпечку просфор израсходовано 12 т муки), штамповочном производстве (квалифицированный мастер на штамповочном станке изготовил 45110 штук металлических нательных крестиков), а также о заготовке дров и деловой древесины для нужд епархии (потребители — Духовная академия, соборы и храмы Ленинграда и пригородов) (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 12а. Д. 3. Л. 9).

Следует особо остановиться на проблеме свечного обеспечения приходов епархий. За лаконичной строчкой отчета стояли серьезные сложности, которые сказывались на экономическом положении приходов. Настоятели приходов столкнулись с тем, что местные ремесленники — производители свечей, продавали свою продукцию по ценам гораздо ниже тех, что были установлены в Церкви. В связи с этим прихожане зачастую для храмового богослужения покупали свечи «на стороне». Священнослужители неоднократно обращались с жалобами на «кустарей» к уполномоченному и просили вмешаться в эту ситуацию, чтобы защитить интересы церковно-приходской казны. Лузин отвечал уклончиво и объяснял священникам, что не может вмешиваться в частное свечное производство, поскольку оно не противоречит законам, а производители платят налоги государству. В 1948 г. свечной кризис достиг наивысшего развития, поскольку в кон. 1947 г. в стране была запущена денежная реформа, связанная с обменом денежной массы, находящейся на руках у населения. Уполномоченный в отчете остановился на этой проблеме и свидетельствовал, что «в связи с обменом денег, большинство церковей остались без денег, так как деньги хранили в „кубышках“» (ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 26. Л. 23). Дополнительным испытанием для настоятелей приходов стал крупный, в количестве 7 т, завод в Псковторг свечей, которые были распределены по всем торговым точкам. При этом, если верить отчету Лузина, в храмах Псковской епархии свечи продавали по 3 руб., а в государственных торговых точках цены на свечи составили 30 коп. Благочинный Псковского округа обратился к уполномоченному «с жалобой на то, что государственная торговля подрывает экономику церкви» (ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 26. Л. 23). Лузин посоветовал священнику купить в государственном торговом учреждении свечи оптом, обещав при этом содействие в переговорах с директором Псковторга (ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 26. Л. 23). Предложение Лузина было нереалистично, поскольку требовало серьезных финансовых расходов, а также нарушало взаимодействие с Ленинградским епархиальным управлением, которое также было заинтересовано в сбыте свечной продукции, производимой в епархиальной мастерской.

Вместе с тем Лузин отмечал, что настоятели приходов в Дновском и Карамышевском районах Псковской области пытаются решить проблему и переходят на самообеспечение, своими силами изготавливая свечи-«самокрутки» (ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 26. Л. 53).

В Новгородской и Псковской епархиях образовательная и хозяйственная деятельность не проводилась, но следующие позиции отчета позволяют осуществить более детальное сравнение всех трех частей Ленинградской митрополии.

Особый интерес представляет раздел под названием «Работа епархиального Пресвященного с местным Уполномоченным по делам Русской Православной Церкви». В этой части документа отражен, прежде всего, опыт взаимодействия митр. Григория (Чукова) с уполномоченными по Ленинградской, Новгородской и Псковской областям. В отношении уполномоченных по Ленинградской и Псковской областям в отчете изложена практически идентичная информация, которая сводится к констатации того, что «уполномоченный был всегда внимателен к нуждам и просьбам духовенства, всегда давал исчерпывающие ответы на недоуменные вопросы и содействовал правильному течению церковной жизни в случаях соотношения с гражданской властью» (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 12а. Д. 3. Л. 15).

Весьма показательна в этой связи невысокая оценка епархиального отчета со стороны уполномоченного А. И. Лузина: «В основном отчет состоит из цифровых данных

(прихода и расхода), которые также далеки от действительности. На вопрос, поставленный в отчете, об основных условиях, затрудняющих развитие церковной жизни, отвечают, что тождественны с Ленинградской епархией, а в чем именно, для меня неизвестно» (ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 26. Л. 36). Не без сарказма псковский уполномоченный отметил фразу из отчета о том, что взаимоотношения епархиального управления с уполномоченным Советом были «весьма хорошими» (ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 26. Л. 36). У советского чиновника было иное мнение об этих взаимоотношениях с церковными структурами. Так, например, один из насущных вопросов, как считал Лузин, для урегулирования церковной жизни в епархии, был связан с необходимостью назначения псковского епископа. Неоднократно в своих донесениях в Москву Лузин жаловался на ленинградского митрополита: «считаю необходимым отметить, что митрополит Григорий продолжает назначать священников и благочинных без предварительного соглашения со мной. Викарному епископу Владимиру Кобец разрешено только назначение псаломщиков. Удобнее было бы, если назначение настоятелей будет поручено также епископу» (ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 26. Л. 38).

Казалось бы, нейтральная оценка автором отчета взаимоотношений ленинградского архиерея и местных уполномоченных свидетельствует о формальном подходе к изложению этой стороны деятельности правящего епископа. Однако описание взаимодействия митр. Григория с уполномоченным по Новгородской области не только значительно объемнее, чем те, что содержатся в аналогичном разделе по Ленинградской и Псковской областям, но и несет критическую информацию: «Работа с уполномоченным по Новгородской области А. П. Городецким протекала не вполне нормально...» (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 12а. Д. 3. Л. 108). Составитель отчета перечисляет, что именно в действиях уполномоченного выходило за границы «нормальности»: помимо непосредственного общения с митрополитом, он отправлял благочинным и напрямую настоятелям церквей свои распоряжения о запрещении совершать «литургии на переносных святых Антиминсах в отдаленных населенных пунктах, прилегающим к действующим храмам; запрещение служить панихиды на братских могилах погибших воинов; категорическое запрещение под угрозой снятия с регистрации совершения богослужений в местах „с собранием верующих“, допуская лишь совершение треб „на дому“ у верующих, в то время как в местах, удаленных от церкви до 30–50 км, появление священника несомненно всегда вызовет „собрание верующих“» (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 12а. Д. 3. Л. 108).

Подобное ужесточение порядков регулирования церковной жизни со стороны уполномоченного вызвало у епархиального руководства желание искать защиту на высоком уровне. Через патр. Алексия было отправлено ходатайство в Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете министров СССР с просьбой об отмене распоряжений новгородского уполномоченного. Следует отметить, что подобные сигналы с мест через патриарха не были частым явлением. Жалоба на сотрудника ведомства в Москву в данном случае характеризует уровень конфликтной ситуации и степень отчужденности уполномоченного от церковных нужд. В довершение приведенных фактов, касающихся Новгородской епархии, в отчете сказано, что «почти все запросы, касающиеся открытия церквей, и другие — оставались без ответа» (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 12а. Д. 3. Л. 108).

Автор отчета, затрагивая вопрос о количестве действующих храмов, свидетельствует о серьезном недостатке зарегистрированных приходов во всех трех епархиях. Так, например, в сведениях по Псковской епархии (с наибольшим числом действующих церквей) сказано, что «количество храмов не достаточное. Верующие неустанно ходатайствуют об открытии храмов в Псковской области». При этом особо отмечен районный центр Гдов, где в 1948 г. не было ни одного действующего прихода, несмотря на то, что местные верующие отправляли ходатайство в Псков уполномоченному начиная с 1945 г. (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 12а. Д. 3. Л. 163).

Действительно, если обратиться к статистическим сведениям отчета, то по Псковской области в период с 1944 по 1948 гг. число вновь открытых приходов выросло

на 10 единиц, с 85 до 95 храмов (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 12а. Д. 3. Л. 163). По Новгородской области приведены схожие показатели: с 1944 по 1948 г. было зарегистрировано 10 приходов (увеличение с 31 до 41 храмов) (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 12а. Д. 3. Л. 109), также и по Ленинградской области с 1944 по 1948 г. зафиксировано увеличение действующих храмов на 10 единиц (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 12а. Д. 3. Л. 16). За это же время число действующих храмов в Пскове выросло с 3 до 4 (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 12а. Д. 3. Л. 163); в Новгороде в 1945 г. был зарегистрирован 1 храм, и до конца 1948 г. прироста не наблюдалось (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 12а. Д. 3. Л. 109); в Ленинграде динамика наличия действующих храмов также была невыразительна — увеличение с 8 до 10 действующих церквей (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 12а. Д. 3. Л. 15).

Такие скромные данные, характерные для всех трех епархий, помогают понять, что вопрос об открытии новых приходов решался на высоком уровне правительства, личные качества уполномоченного и его степень сочувствия церковным нуждам в данном случае не играли решающей роли.

В этой связи примечательно свидетельство уполномоченного по Псковской области за III квартал 1948 г. о значительном сокращении ходатайств верующих об открытии новых храмов: «За время моей работы впервые за квартал поступило только одно заявление об открытии церкви». Этот факт уполномоченный связывает с усилением антирелигиозной работы в области, инициированной псковским обкомом ВКП(б) (ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 26. Л. 49).

В конце 1948 г. во всей Ленинградской митрополии действовало 199 приходов. Из них практически половина находилась в Псковской епархии — 99 приходов. Второй по числу приходов была Ленинградская епархия — 58 единиц, а наименьшее их число зафиксировано в пределах Новгородской епархии — всего 42 прихода. В большинстве это были сельские приходы (165 приходов во всей митрополии), а по числу городских приходов лидировала Ленинградская епархия (16 приходов) за счет действующих храмов Ленинграда. В Псковской епархии действовало 12 городских приходов (из них 4 прихода в самом Пскове). В 1948 г. в митрополии был закрыт один приход (Ленинградская епархия) и вновь зарегистрированы 3 прихода в Псковской епархии (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 12а. Д. 3. Л. 233). Эта статистика вызывает много вопросов и размышлений. Один из важных выводов связан с тем, что большой процент действующих церквей в Псковской епархии и части Ленинградской епархии (Лужский и Гатчинский районы) связан с активной деятельностью в годы немецкой оккупации Псковской миссии, в том числе направленной на восстановление приходской системы [Шкаровский, 2002, 382]. Многие приходы, открытые в годы войны, продолжали свою деятельность и в условиях «нового курса» послевоенных лет.

Несмотря на скромные финансовые возможности, во всех епархиях проводился ремонт храмов, в первую очередь — имеющих культурно-историческую ценность. Наряду с пунктом о ремонте храмов в структуре отчета предусмотрен пункт о проведенном храмостроительстве. В разделах, посвященных Ленинградской и Новгородской епархиям, стоит лаконичная фраза: «храмостроительства в 1948 году не было» (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 12а. Д. 3. Л. 17). В 1948 г. в Ленинградской митрополии был заново выстроен только один деревянный храм в честь св. вмч. Георгия в селе Палицы Новосельского района Псковской области. Как сказано в отчете, в кон. 1948 г. было совершено малое освящение церкви и начались регулярные богослужения. Автор отчета подчеркивает, что строительство проходило «в течение нескольких месяцев благодаря усердию его прихожан, участвовавших в этом деле своим личным трудом и посильными лептами, и частичной финансовой помощью со стороны Епархиального Управления» (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 12а. Д. 3. Л. 164–165).

Немалое внимание этой истории в своих отчетах уделил уполномоченный Совета при Псковском облисполкоме А. И. Лузин. В последний период немецкой оккупации Свято-Георгиевский храм и само с. Палицы были сожжены. Сразу же после освобождения верующие принялись за строительство церкви и успели возвести сруб, однако уполномоченный в 1945 г. отказал в регистрации общины и запретил

завершить возведение храма. Он пообещал вернуться к рассмотрению этого вопроса только после того, как «все колхозники построят себе дома и не будут жить в землянках» (ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 26. Л. 2). Верующие с. Палицы не забыли этого обещания и после окончания строительства домов возобновили свои хождения. Председатель Новосельского райисполкома неоднократно звонил в Псков Лузину и просил ускорить процесс регистрации общины, поскольку «верующие ему покоя не дают и приходят к нему за разрешением достроить церковь» (ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 26. Л. 2).

В отчете за следующий квартал уполномоченный сообщает, что община верующих в с. Палицы была зарегистрирована решением Совета по делам Русской Православной Церкви от 2 марта 1948 г. Также было дано официальное разрешение на восстановление храмового здания (ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 26. Л. 14).

Осенью 1948 г. церковь в с. Палицы была зачислена в списки действующих приходов, а в начале октября А. И. Лузин выезжал на место для осмотра отстроенного храма. Уполномоченный остался доволен увиденным и внес в отчет лаконичную запись: «Внутри все сделано, имеется иконостас и иконы. В настоящее время заканчивается колокольня и купол» (ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 26. Л. 47).

В отчете о своей работе за IV квартал 1948 г. А. И. Лузин, характеризуя псковское духовенство, особо отметил свящ. Илью Богданова как пользующегося «хорошим авторитетом и уважением» со стороны верующих. Именно под началом о. Ильи была выстроена церковь в Палицах и община добилась регистрации своего прихода. Примечательно, что в отчете епархиального управления имя священника упомянуто не было. Уполномоченный Совета вынужден был признать, что стройка прошла слаженно, динамично и экономично. За три месяца были выстроены храм и дом для священника, что потребовало 30 тыс. руб. Лузин подчеркивает увлеченность и жертвенность колхозников, которые, получив разрешение государственных органов на строительство церкви, приложили много сил и средств для достижения цели — возрождения храмовой молитвы в родном селе: «Днем колхозники были на полевых работах, а ночью приходили строить церковь, получилось вроде народной стройки» (ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 26. Л. 70).

Особым образом уполномоченный отметил роль митр. Григория (Чукова) в строительстве церкви и регистрации прихода в с. Палицы. Митрополит уделял этому вопросу большое внимание, неоднократно свящ. Илья Богданов выезжал в Ленинград к архиерею для доклада о ходе строительства и получил на нужды восстановления храма из епархиальных средств 10 тыс. руб. (ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 26. Л. 70).

Для жизни Псковской епархии строительство новой церкви в Палицах стало выдающимся событием. Потребуется еще более 40 лет, для того чтобы в этом регионе возродилось строительство православных храмов.

Еще одним общим затруднением для всех епархий митрополии стала проблема завышенного обложения клириков подоходным налогом. В отчете говорится о малообеспеченности духовенства, а что касается сельских священников — даже о материальной скудости, которая усугублялась финансовым и экономическим давлением финансовых органов. В разделах, посвященных ситуации в Ленинградской и Новгородской епархиях, открыто говорится о хороших взаимоотношениях приходского духовенства с местной администрацией, но «натянутых» отношениях с финансовыми органами. Причину этой напряженности автор отчета видит в тенденции к завышенному обложению подоходным налогом, во многом расхождением с доходностью, показанной в декларациях клириков. Большая часть жалоб, которые поступали в адрес уполномоченных, были связаны с бесконтрольными действиями финансовых органов районного и областного уровня (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 12а. Д. 3. Л. 25).

На этом неблагоприятном фоне особенно выделилась в 1948 г. Псковская епархия. В отчете названы два прецедента, когда из-за неуплаты завышенного налога имущество священнослужителей по суду было описано и распродано для покрытия финансовой задолженности. Первый случай произошел в Пскове со свящ. Иоанном

Преображенским (он категорически отказался вносить средства, которые были начислены сверх указанного в декларации о доходах), второй — со священником сельского прихода Гвозно Полновского района Димитрием Евдокимовым, «в уплату налогов которого была продана с торгов корова» (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 12а. Д. 3. Л. 170).

Дело свящ. Иоанна Преображенского заслуживает того, чтобы остановиться на нем более подробно. Этот клирик относился к молодой (1915 г. рожд., диаконская хиротония в 1943 г., служил на оккупированной территории Ленинградской области и в Риге) и образованной категории духовенства Псковской епархии. В 1948 г. он был настоятелем псковского храма Казанской иконы Пресвятой Богородицы, а также исполнял обязанности благочинного Псковского округа. Конфликт, разгоревшийся в 1948 г., имел свою предысторию в более ранний период. В конце 1947 г. свящ. И. Преображенский обратился к уполномоченному с жалобой на действия горфинотдела³. Священник получил извещение «о допричислении подоходного налога за 1946 и 1947 год в сумме 11 тысяч рублей, с указанием срока взноса 25 декабря 1947 года» (ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 26. Л. 4). На приеме у Лузина священник категорически отказался от уплаты завышенного налога и заявил: «пусть описывают мое имущество, оно все стоит около 3 тысяч рублей, и пусть меня посылают на принудительные работы, пусть верующие смотрят, как поступают с духовенством» (ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 26. Л. 5).

Митрополит Григорий, получив из Пскова тревожные вести, дабы предотвратить развитие конфликта, отправил Лузину телеграмму с просьбой «оказать содействие в недопущении до суда дела о недоимках духовенства по налогу и к пересмотру непосильного обложения» (ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 26. Л. 19). Несмотря на личное обращение архиерея, уполномоченный, по собственному признанию, «не придавал серьезного значения» намеченному судебному заседанию и отказал в помощи свящ. И. Преображенскому (ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 26. Л. 18).

По приговору суда за неуплату налога у семьи Преображенских было описано имущество на сумму 400 руб. Несмотря на призыв уполномоченного к священнику «не афишировать» судебной тяжбы с горфинотделом, на судебный процесс собралось около 50 человек, в том числе 6 свидетелей, которых пригласил сам свящ. И. Преображенский для подтверждения его доходов (ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 26. Л. 18). Невзирая на показания свидетелей, суд «вынес решение об изъятии описанных вещей», что повлекло за собой в среде верующих рост «разговоров о начале притеснения священников» (ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 26. Л. 18).

Со своей стороны Лузин был полностью уверен в своей правоте и всецело находился на стороне финансовых органов: «Я неоднократно предупреждал Преображенского, что поскольку расчеты о доходах сделаны правильно и что они утверждены Министерством финансов РСФСР, необходимо выполнить государственный закон. Преображенский, вместо того чтобы внести деньги, категорически отказался, проявил принципиальность» (ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 26. Л. 19). По сведениям уполномоченного, «непослушный» священник не смирился с приговором суда и обратился с жалобой в Министерство финансов. Скептически оценивая шансы о. Иоанна на положительный ответ из Москвы, Лузин оставался сторонником жесткой линии в отношении «церковников», старавшихся проявить непозволительную вольность в отстаивании своих прав: «Я считаю, что на этом примере надо будет показать, что законы, издаваемые Советской властью, необходимо выполнять и каждый, кто вздумает их игнорировать, тот должен отвечать перед Советским судом» (ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 26. Л. 19).

На этом история с о. Иоанном Преображенским не завершилась. В отчете за II квартал 1948 г. уполномоченный вновь возвращается к болезненной теме категорического отказа клирика епархии от уплаты завышенного подоходного налога. По сведениям Лузина, из министерства финансов свящ. Преображенский получил отрицательный ответ о возможности пересмотра размера налога. После этого он решил искать защиты в Патриархии и поначалу написал письмо на имя митр. Григория, в котором

³ Городского финансового отдела.

высказался критически в отношении выполнения своих обязанностей Лузиным, не защитившим интересы духовенства. Уполномоченный, в свою очередь, строго предупредил о. И. Преображенского «о необходимости погашения задолженности по налогу» и о том, что если он не выполнит свою гражданскую обязанность, придется его лишить справки о регистрации (ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 26. Л. 33).

Для прояснения позиции уполномоченного по Псковской области следует обратиться еще к одному документу, который был написан в начале июля 1948 г. на имя А. И. Лузина и заверен подписями заведующего Псковским областным финансовым отделом Сахарова и начальника налогового отдела Осипова. Чиновники финансового ведомства выразили серьезную озабоченность тем, что некоторые клирики Пскова «встали на путь уклонения от уплаты предъявленных налогов, в силу этого городской финансовый отдел вынужден был к указанным недоимщикам применить меры принудительного взыскания. Несмотря на применение взыскания, служители культа по-прежнему злостно уклоняются от уплаты допущенной ими недоимки, а Преображенский к тому еще заявил, что они все служители культа в 1948 году платить налоги не будут, а будут с финансовыми органами судиться и всем понизят налог. Преображенский разлагающе действует на служителей культа города Пскова и очевидно на округ, где он является благочинным» (ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 26. Л. 39). В последней части письма руководство областного финансового отдела просит уполномоченного «принять соответствующие меры» и уведомить о результатах (ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 26. Л. 40).

Хотя в письме указаны имена трех священников, но зачинщиком «смуты» выставлен именно о. И. Преображенский, на тот момент исполняющий обязанности благочинного Псковского округа. Призыв принять меры стал фактически сигналом к использованию чиновником Совета по делам Русской Православной Церкви самых радикальных мер, имеющихся в арсенале уполномоченного. Действительно, в отчете за III квартал 1948 г. А. И. Лузин упоминает двух клириков, снятых с регистрации. Это свящ. Иоанн Преображенский и бывший настоятель Псковского кафедрального Свято-Троицкого собора свящ. Иоанн Иванов, также попавший под критику в письме Облфинотдела. Отец И. Преображенский был переведен в Новгородскую епархию, а о. И. Иванов снят с регистрации в связи с поступлением в Ленинградскую духовную семинарию (ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 26. Л. 40).

За этими на первый взгляд нейтральными формулировками кроется серьезное послание всему духовенству, которое вздумает выходить за границы дозволенного, от т. н. «нового курса» религиозной политики Сталина. Тот факт, что о. И. Преображенский и о. И. Иванов, несмотря на все коллизии взаимоотношений с псковским уполномоченным, не потеряли возможность служения и были только переведены из Псковской епархии, можно объяснить позицией правящего Ленинградского митрополита Григория, который ценил образованных и активных клириков, внутренне был солидарен с их протестом и в распоряжении которого были все три епархии, что позволило укрыть священников от гонений со стороны уполномоченного и чиновников финансового ведомства.

Подводя итог противостояния со «злостным» борцом за права клириков свящ. Преображенским, уполномоченный Лузин делится с руководством Совета сведениями, полученными у своего окружения: «При детальном расследовании его поведения мною установлено, что Преображенский, добиваясь неуплаты подоходного налога, которым он обложен, подговорил, чтобы и другие настоятели церквей не платили, по сути дела, стал руководителем организованного сопротивления. Чтобы ликвидировать создавшееся положение, я рекомендовал произвести замену псковских служителей культа». Примечательно, что в дополнение к изложенному уполномоченный указал на то, что викарный епископ Владимир (Кобец) также был недоволен выбывшими из штата епархии клириками, особенно о. И. Преображенским (ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 26. Л. 50). По нашему мнению, оборот «руководитель организованного сопротивления», использованный уполномоченным в его донесении, это не только

примета профессиональной деятельности Лузина до перехода в структуру Совета по делам Русской Православной Церкви, но и четкое указание на, по сути, антисоветскую деятельность некоторых псковских клириков, требующую самого жесткого и решительного пресечения со стороны государства. Выходя за хронологические границы нашего исследования, нужно упомянуть, что в апреле 1953 г. священник Иоанн Преображенский, будучи настоятелем Петропавловского храма в городе Валдай, был арестован и осужден на 25 лет исправительно-трудовых лагерей. Резонно предположить, что конфликт с властями в Пскове в 1948 г. имел серьезное значение в судебном деле и приговоре через 5 лет.

Тревожные факты суда над священнослужителями и лишения справок о регистрации тех, кто попал в немилость к чиновникам финансового ведомства и уполномоченному, привели к укреплению среди верующих мнения о возвращении памятных по довоенному времени гонений на православное духовенство и верных членов приходских общин.

Для предотвращения подобных эксцессов и защиты духовенства от непосильного финансового бремени во 2-й пол. 1948 г. клирики города Пскова перешли «на определенное жалование, получаемое из церковной кассы». Автор отчета выразил надежду, что подобная мера с принятием фиксированной заработной платы будет иметь положительное значение и устранил недоразумения между духовенством и финансовыми органами (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 12а. Д. 3. Л. 171).

Один из наиболее информативных и подробных разделов отчета посвящен клирикам Ленинградской митрополии. Основные характеристики касаются возраста, времени рукоположения в священник и уровня образования клириков. Следует предварительно отметить, что в состав клира епархии относили не только пресвитеров и диаконов, но и штатных псаломщиков (такой подход соответствовал синодальному периоду истории Церкви). Всего в трех епархиях митрополии в 1948 г. были зарегистрированы 1 митрополит, 2 епископа, 4 архимандрита и игумена, 6 иеромонахов, 208 протоиереев и иереев, 45 протодиаконов, иеродиаконов и диаконов, 51 штатный псаломщик, имеющий посвящение в стихарь (то есть получивший благословение церковноначалия носить во время богослужения литургические одежды) (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 12а. Д. 3. Л. 237).

В сравнении со статистикой 1947 г. видна динамика кадрового состояния митрополии. Число пресвитеров за год увеличилось на 15 человек, число диаконов сократилось на 7 человек. Самое значительное изменение коснулось численности псаломщиков: наблюдается сокращение с 79 человек в 1947 г. до 51 человека в 1948 г. Такая тенденция связана с тем, что в должности штатных псаломщиков государственные органы власти отказывались признавать и регистрировать работающих граждан, поскольку литургические обязанности требовали участия в храмовых богослужениях не только в воскресные дни, но и в период рабочей недели. Неудивительно, что штатные псаломщики в возрасте до 50 лет от общего числа этой категории клира составляли всего 23% (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 12а. Д. 3. Л. 236, 239).

Если сопоставлять статистические данные трех епархий, по числу духовенства (клирики, совершающие таинства) на первом месте в 1948 г. находилась Псковская епархия: 89 архимандритов, игуменов, иеромонахов, протоиереев и иереев. Этот показатель ниже числа зарегистрированных общин епархии — 99 церквей. В статистической таблице, посвященной приходам митрополии, сказано, что в Псковской епархии было наибольшее число вакансий на должность настоятелей — 13 приходом не имели штатного священника (по Новгородской епархии 5 вакантных мест, по Ленинградской епархии одна вакансия) (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 12а. Д. 3. Л. 233). Всего в штате Псковской епархии числилось в кон. 1948 г. 133 человека, из них 44 человека (самый высокий показатель в митрополии) были из младших клириков — диаконы и псаломщики (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 12а. Д. 3. Л. 237).

Второй по численности клириков, совершавших таинства, была Ленинградская епархия (всего штатный клир Ленинградской епархии составил 117 человек). При этом

отставание от Псковской епархии было незначительным — 86 иеромонахов, протоиереев и иереев, несмотря на то что по числу действующих приходов Ленинградская епархия значительно уступала Псковской — 58 приходов (из них 10 действующих церквей в Ленинграде). Этот факт можно объяснить тем, что приходы Ленинграда в своих штатах имели от 4 до 7 клириков⁴, поскольку население города в этот период приближалось к 2 млн человек и на один действующий храм в среднем приходилось более 190 тыс. человек. К этому следует прибавить, что Ленинград был центром церковной жизни, городом, где находилась кафедра правящего архиерея, управлявшего одновременно несколькими епархиями. Ленинград посещали делегации восточных патриархий, автокефальных Православных Церквей и представители западных христианских конфессий. Поэтому соображения авторитетности и международного престижа митрополии также играли свою важную роль.

Скромное положение Новгородской епархии по числу зарегистрированных приходов (42) не могло не сказаться на количестве клириков епархии (64 человека) — 1 архимандрит, 1 игумен, 1 иеромонах, 40 протоиереев и иереев, 9 диаконов и 12 псаломщиков (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 12а. Д. 3. Л. 237).

Ситуация с возрастом клириков в целом была схожей во всех епархиях Ленинградской митрополии. Из 218 священников только 11 человек (5,1%) не достигли возраста 40 лет; священников старше 70 лет было 37 человек (16,9%). Возраст большинства священников находился в диапазоне от 50 до 70 лет (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 12а. Д. 3. Л. 237). При этом в Псковской епархии наиболее обширной была группа священников в возрасте между 50 и 60 годами (28 человек, или 31,5%) (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 12а. Д. 3. Л. 187).

Клирики в диакономском сане были в среднем моложе: не достигшие 40 лет — 8 человек (17,8%), старше 70 лет — 3 человека (6,5%). Самую обширную группу составляли диаконы, имевшие возраст между 50 и 70 годами, — 27 человек (60%) (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 12а. Д. 3. Л. 237).

Возраст псаломщиков митрополии чаще всего насчитывал от 50 до 70 лет — 36 человек (более 70%). Молодых людей до 40 лет (4 человека, 7,8%) и пожилых старше 70 лет (3 человека, 5,8%) было меньшинство (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 12а. Д. 3. Л. 239). Лидером по числу штатных псаломщиков в митрополии оставалась Псковская епархия — 31 человек (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 12а. Д. 3. Л. 237).

Образовательный уровень клириков митрополии — еще одна из важнейших характеристик церковной жизни. Больше всего хорошо образованных клириков было в Ленинградской епархии: 23 человека с высшим образованием (5 имели высшее неоконченное образование), и 86 человек имели среднее образование (35 — неоконченное среднее образование). В Псковской епархии большая часть клира имела среднее образование (75 человек, из них 33 — неоконченное образование). Подобная ситуация была зафиксирована в Новгородской епархии, где большая часть клириков имела среднее образование (35 человек, из них 8 — неоконченное образование). Начальное образование было особенно характерно для клириков Псковской епархии (54 человека), на втором месте в этой категории была Новгородская епархия (24 человека), и меньше всего малограмотного клира было в штате Ленинградской епархии (8 человек) (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 12а. Д. 3. Л. 237).

Если исследовать степень образованности по разным уровням клира митрополии, то выясняется, что псаломщики в основном имели начальное образование (30 человек из 51), среди диаконов таковых было 19 человек; а среднее образование было у 26 диаконов (из них 12 человек с неоконченным средним образованием). Самым образованным слоем клира митрополии были протоиереи и иереи — с высшим образованием 32 человека (из них 9 с неоконченным высшим образованием),

⁴ В штате Николо-Богоявленского кафедрального собора состояло 9 клириков, в Спасо-Преображенском соборе 7 клириков, в Князь-Владимирском соборе 6 клириков. Для сравнения, в Псковском Свято-Троицком кафедральном соборе в это же время было 4 штатных священника и один диакон. В Никольском кафедральном соборе Новгорода было 2 священника, диакон и псаломщик.

среднее образование было у 148 священников (из них 53 с неоконченным средним образованием), и только 30 священников имели начальное образование (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 12а. Д. 3. Л. 237).

Характерной чертой этого епархиального отчета можно признать отсутствие статистических данных о составе церковно-приходских советов и ревизионных комиссий. Отчасти ответ на этот вопрос можно получить, обратившись к отчетам уполномоченного Лузина. В декабре 1948 г. он, исполняя распоряжение Совета, в рапорте на имя председателя Совета Г. Г. Карпова отправляет сведения о составе членов церковных советов и ревизионных комиссий. Задержку в пересылке запрошенной информации в Москву уполномоченный объясняет медлительностью приходов, а в некоторых случаях и полным игнорированием указания (14 приходов без объяснения причин не прислали никаких сведений). Даже в тех отчетах, которые были получены от настоятелей приходов и отправлены в Совет, имелись существенные недочеты. Как об этом сообщал Лузин, «в сведениях имеется графа о количестве лиц, проживавших на территории оккупированной немцами и пребывание в плену, между тем как в анкете такой графы нет». Очевидно, что фактически отказавшись от упоминания компрометирующих сведений в анкете уполномоченного, члены прихода выражали свое недоверие органам государственной власти и невысоко ценили достижения «нового курса» религиозной политики. По мнению же уполномоченного Лузина, «число пребывавших на оккупированной территории составляет около 98% общего состава церковных советов и ревизионных комиссий» (ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 26. Л. 60).

В отчете за IV квартал псковский уполномоченный подводил итог перерегистрации церковных советов и ревизионных комиссий и вновь сетовал по поводу отказов от заполнения анкет. Так, например, настоятель погоста Кусва Псковского района свящ. Александр Чернавский заявил, что «все отказываются от заполнения анкет и никто не хочет состоять в двадцатке» (ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 26. Л. 68).

В информационных докладах Лузина отразилось восприятие верующими Псковской области ограничений культовой деятельности, которые были приняты на уровне Московской Патриархии. В целях контроля за осуществлением постановления о прекращении крестных ходов за пределами населенных пунктов уполномоченный предпринял поездку в Печерский монастырь, где 15 октября планировался традиционный крестный ход с чудотворной иконой по Печорскому и Качановскому районам. Известие о запрете крестного хода было «встречено недружелюбно». Утром 15 октября в Свято-Успенский монастырь собралось множество верующих из сельских приходов, чтобы «после службы крестным ходом с иконой идти домой». Настоятель монастыря еп. Владимир поручил игум. Сергию (Гаврилову) выступить с проповедью и довести до сведения паломников постановления Синода. По словам уполномоченного Лузина, «среди верующих, когда была закончена служба, были разговоры, что Советское правительство заставило патриарха издать указ о запрещении крестных ходов» (ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 26. Л. 53).

Описывая нарастающее недовольство среди верующих, псковский уполномоченный объясняет этот факт развертыванием антирелигиозной работы посредством докладов и газетных статей: как следствие пропаганды, «как среди духовенства, так и среди церковников стали появляться разговоры, что наступает конец относительно свободной деятельности церкви» (ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 26. Л. 69).

Завершить обзор положения епархий Ленинградской митрополии следует анализом уровня материального положения и доходности церквей в 1948 г. В отчете неоднократно упоминается о снижении доходности приходов и ухудшении материального положения клириков митрополии. В частности, в отчете Ленинградской епархии говорится, что «доходность церковная за 1948 г. по общим отзывам настоятелей и благочинных, по сравнению с предыдущими годами, уменьшилась, что подтверждается и финансовыми показателями. О мероприятиях к повышению церковной доходности говорить пока трудно. Они еще не изысканы» (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 12а. Д. 3. Л. 25). Отчасти эта тенденция была связана с денежной реформой, которая

прошла в СССР в кон. 1947 г. и привела к общему обеднению населения за счет изъятия денежной массы. Особенно тяжело последствия реформы легли на сельское население, которое было основным ядром церковного народа Ленинградской митрополии. Эти кризисные процессы не могли не отразиться на финансовом положении приходов. Поэтому общая доходность всей митрополии снизилась с 25 159 000 руб. в 1947 г. до 20 558 000 руб. в 1948 г. При этом самый высокий показатель доходности в отчетный период был зафиксирован в Ленинградской епархии (15 470 000 руб.), следующей по уровню доходности была Новгородская епархия (2 596 000 руб.), а Псковская епархия, несмотря на большее число приходов, показала самую низкую доходность — 2 490 000 руб. (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 12а. Д. 3. Л. 241). Эти показатели еще раз свидетельствуют о том, что серьезное превышение уровня благосостояния городских жителей в сравнении сельским населением приносило и больший доход в церковную казну именно городских приходов. Именно поэтому доходность Ленинградской епархии более чем в 6 раз превосходит финансовые поступления в Псковской епархии и составляет $\frac{3}{4}$ дохода всей митрополии. Такие высокие показатели были обеспечены приходами Ленинграда, в котором в 1948 г. проживало без малого 2 млн человек, что превышало население всех трех областей вместе взятых.

В дополнение к описанию церковной жизни епархий Ленинградской митрополии в 1948 г. можно соотнести численность населения областей с числом зарегистрированных приходов, чтобы выяснить, сколько человек потенциально могли стать прихожанами этих церквей. В этом своеобразном рейтинге первое место принадлежит Псковской епархии — на один действующий храм приходится более 5 тыс. человек, на втором месте Новгородская область — более 11 тыс. человек, еще более трудное положение наблюдалось в Ленинградской области — более 12 тыс. человек на один приход, а в самом Ленинграде, где действовало 10 приходов, на один храм приходилось без малого 200 тыс. человек. Эти показательные цифры помогают понять, насколько трудным было положение Православной Церкви и верующих граждан в СССР в период расцвета т. н. «нового курса» религиозной политики советского руководства.

Подводя итог краткому обзору церковной жизни Ленинградской митрополии в 1948 г., следует отметить, что центром общественно-церковной жизни был Ленинград с его святынями и храмами, имеющими культурно-историческую ценность. Это было связано не только с тем, что здесь находилась кафедра правящего епископа — митр. Григория (Чукова), но и с тем, что церковный Ленинград оставался одной из официальных «витрин» Московской Патриархии. Город на Неве посещали международные церковные делегации, здесь торжественно отмечалось 500-летие автокефалии Русской Церкви, сюда с визитом приезжал патр. Алексий. Ленинградское епархиальное управление, в отличие от управлений Новгородской и Псковской епархий, было усилено структурами хозяйственного характера — мастерскими по изготовлению свечей, просфор, штампованных крестиков. Самым важным в послевоенный период церковной истории Северо-Западного региона было то, что в Ленинграде действовали Духовные школы и первый выпуск семинарии пришелся именно на 1948 г.

Псковская епархия особо выделялась тем, что на ее территории действовал Свято-Успенский мужской монастырь в Печорах, после того как в январе 1945 г. Печорский район был передан из Эстонской ССР в РСФСР и вошел в границы Псковской области.

Уникальным событием 1948 г. в жизни не только митрополии, но и, пожалуй, всей Русской Православной Церкви можно считать строительство нового храма в Псковской епархии.

Вместе с тем Псковская епархия занимала первую позицию по числу действующих приходов (практически половина храмов всей митрополии) и зарегистрированных клириков, в том числе штатных псаломщиков (практически в каждом третьем храме епархии). Ленинградская епархия существенно уступала Псковской по числу зарегистрированных приходов, но значительно отличалась более высоким уровнем образования клириков.

Самая трудная ситуация складывалась в Новгородской епархии. Действующих храмов было более чем в два раза меньше по сравнению с Псковской епархией. По числу клириков Новгородская епархия также занимала последнее место в митрополии. Этот факт можно объяснить тем, что территория Псковской епархии в годы немецкой оккупации оказалась в центре активной деятельности Псковской православной миссии, усилиями которой в трудных военных условиях была полностью восстановлена церковно-приходская структура. Плоды этих трудов были заметны на Псковщине и в послевоенное время.

Наряду с этим в епархиальном отчете особо высказаны критические суждения в адрес уполномоченного Совета по Новгородской области. Его деятельность (а в каких-то ситуациях — бездействие) не позволяли верующим мирянам и клирикам Новгородской епархии укрепить церковную жизнь и добиться открытия новых приходов.

Общей проблемой для всех трех епархий были недостаточное количество действующих храмов, материальная скудость большинства приходов, недостаток в богослужебных книгах, ветхость ризниц и богослужебной утвари. К этому следует добавить жесткий налоговый гнет, в некоторых случаях приводивший к судебному разбирательству и описи имущества священнослужителей митрополии. Одну из причин бедности церковной жизни митрополии составитель отчета видит в последствиях военной разрухи: «малообеспеченность населения, не успевшего еще оправиться от последствий Отечественной войны, не дает возможности привести в надлежащее состояние многие храмы Псковской епархии и восстановительные ремонты в них производятся лишь медленным постепенным темпом» (АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 12а. Д. 3. Л. 165).

Однако, вчитываясь в текст отчета, несложно увидеть, что относительно благоприятное время «нового курса» религиозной политики советского руководства к 1948 г. уходило в прошлое, в первую очередь по причине того, что линия руководства коммунистической партии СССР вновь приобрела более жесткую антирелигиозную направленность.

Источники и литература

Источники

1. АСПБЕ — Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф. 1. Оп. 12а. Д. 3. 260 л.
2. ГАПО — Государственный архив Псковской области. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 26. 74 л.
3. Положение (2009) — Положение об управлении Русской Православной Церкви 28 января 1944 г. // Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сб. документов / Сост.: Васильева О. Ю., Кудрявцев И. И., Лыкова Л. А. М.: Крутицкое Патриаршее подворье; Об-во любителей церковной истории, 2009. С. 271–278.

Литература

4. Васильева (2001) — *Васильева О. Ю.* Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. М.: Институт Российской истории РАН, 2001. 215 с.
5. Дроздова (2021) — *Дроздова М. А.* «Религиозное возрождение» на Псковской земле в послевоенные годы (на примере Дновского благочиния) // Псков. 2021. № 54. С. 140–145.
6. Дроздова (2022) — *Дроздова М. А.* Православное храмостроительство и ремонтно-восстановительные работы в первые послевоенные годы как фактор религиозности населения (по материалам Псковской области) // Христианское чтение. 2022. № 1. С. 355–367.
7. Курляндский (2019) — *Курляндский И. А.* Власть и религиозные организации в СССР (1939–1953 гг.): Исторические очерки. СПб.: Петроглиф, 2019. 376 с.

8. Майнер (2010) — *Майнер С. М.* Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика. М.: РОССПЭН, 2010. 455 с.
9. Филимонов (2008) — *Филимонов А. В.* Поднятый из руин. Послевоенное восстановление и развитие Пскова (1944 — начало 1950-х гг.). Псков: Псковская обл. тип., 2008. 448 с.
10. Шкаровский (1999) — *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 гг.). М.: Крутицкое Патриаршее подворье; Об-во любителей церковной истории, 1999. 400 с.
11. Шкаровский (2002) — *Шкаровский М. В.* Нацистская Германия и Православная Церковь. М.: Крутицкое Патриаршее подворье; Об-во любителей церковной истории, 2002. 523 с.